

И.А. ВАУЛИНА

(Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург, Россия)

АСПЕКТЫ СЧИТЫВАНИЯ ЗВУКООБРАЗА (ПО ДАННЫМ СВОБОДНОГО АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

Аннотация: Статья посвящена экспериментальному исследованию психологической реальности звукоподражания на материале окказионального слова. Выявляются вербальные маркеры считывания звукообраза в ассоциативном поле.

Ключевые слова: свободный ассоциативный эксперимент, языковое сознание, окказиональное слово, звукоподражание.

...моя гибкостройность

Из напевных и творческих слов.

В. Каменский

Внимание экспериментальной фоносемантики долгое время было сосредоточено преимущественно на исследовании феномена звукового символизма (см. работы А.П. Журавлева, С.В. Воронина, В.В. Левицкого, А.Б. Михалева, докторские и кандидатские диссертации Л.П. Прокофьевой, И.И. Валуйцевой, Д.С. Ищенко, С.В. Никрошкиной и др.).

Не менее актуальным представляется и обращение к экспериментальному изучению второй ипостаси звукоизобразительной системы языка – исследованию психологической реальности звукоподражания, выявлению аспектов считывания звукообраза носителями языка. Трудность экспериментальной верификации особенностей восприятия звукоподражательной формы заключается в том, что «... в

слове мы осознаем прежде всего значение <...>, и как бы мы ни составляли инструкцию информантам, как бы ни нацеливали их на оценку звучания слова, они все равно будут реагировать в основном на значение» [Журавлев 1991: 34]. Тем более сложно определить роль звуковой формы таких единиц в создании экспрессивности слова.

Исходя из сказанного для максимальной актуализации образно-экспрессивного наполнения фонетической оболочки звукоподражательной единицы считаем необходимым моделирование экспериментальных условий, позволяющих отвлечься от лексической семантики слова. Одним из способов создания экспериментальной ситуации такого рода является привлечение в качестве стимулов окказиональных звукоподражательных единиц, смысловая новизна которых должна побуждать респондентов к рефлексии над внутренней формой слова.

Для отбора такого стимульного материала мы обратились к поэзии футуристов, творческая программа которых предполагала «экспериментаторство в словоупотреблении и словотворчестве, открывающее новые возможности постижения мира, его переустройства через структуру языка, через исследование языковых возможностей и преобразование языковых знаков» [Халявина 2011: 25], в том числе актуализацию *семантики звука* [Заярная 2005: 53].

В этом отношении продуктивным оказалось творчество В. Каменского, стихи которого насыщены фонетическими окказионализмами, заставляющими читателя «вслушаться» в звук. По мнению исследователей, «В. Каменский относится к тем поэтам, которые творят в сфере слуховых ощущений и умеют слышать мир. Не случайно В. Каменского считают мастером слухового стиха, который рассчитан прежде всего на звучание» [Халявина 2011: 39].

Среди фонетических окказионализмов В. Каменского выделяются как звукосимволические, так и звукоподражательные единицы.

В качестве материала для анализа и верификации экспериментальной гипотезы нами были отобраны окказиональные ониматопы из стихотворений «Поэзия о соловье», «Чурлю-журль»: *цивь-цинь-ций, чтрррь-юй, чурлю-журль*. Вывод о звукоподражательной природе этих новообразований был сделан нами на основании анализа их контекстуальной семантики и фонетической структуры.

Окказионализм *чурлю-журль* выступает не только звуковым, но и смысловым центром одноименного стихотворения. Для более точного образно-экспрессивного воспроизведения звукового явления (журчания ручья) автор конструирует новое слово, звукоподражательное междометие *чурлю-журль*:

*Звенит и смеется,
Солнится, весело льется
Дикий лесной журчеек,
Своевольный мальчишка:
Чурлю-журль,
Чурлю-журль.*

В общем смысловом контексте стихотворения ониматоп вбирает в себя дополнительный смысл: становится символом красоты и радости бытия.

Данный окказионализм представляет собой «повторную конструкцию, направленную на воспроизведение длительных, повторяющихся шумов; на звуковую имитацию движения жидкости работает сочетание сонорных [рл]» [Шляхова 2003: 124]. Кроме того, повтор сочетания согласных [рл] способствует формированию дополнительного конно-

тативного фона, связанного с мелодичностью, благозвучием.

Стихотворение «Поэзия о соловье» целиком построено на звукоподражаниях, которые выступают средством создания мелодики стиха, передачи мажорного, радостного восприятия действительности, наполненной звуками, красками. *Чтррррь-юй, цивь-цинь-ций* – звукоподражательные междометия, имитирующие трель соловья.

Фонетический облик экспрессымы *чтррррь-юй* характеризуется ярко выраженной «гипераномальностью» [Воронин 1982: 80]. Ономатоп состоит из двух частей, одна из которых представляет собой консонантный комплекс. На имитацию шелкающего звучания «работает» начальная аффриката [ч]. Нагнетание согласного [р] передает представление о диссонирующем, вибрирующем звуке.

Фоносемантическая выразительность новообразования *цивь-цинь-ций* маркирована редупликацией. Повторяющийся звукокомплекс с аффрикатой [ц] и гласным переднего ряда высокого тона [и] способствует образному воспроизведению отрывистых, частых, высоких, легких звуков (ср. узуальные звукоподражания *чирикать, щебетать*).

Для выявления степени считывания данных звукообразов носителями языка нами был проведен свободный ассоциативный эксперимент, позволяющий установить ассоциативные проекции окказиональных звукоподражаний в ассоциативном поле. Стимулы предъявлялись вне контекста. От испытуемых требовалось привести несколько любых ассоциаций к словам. В качестве респондентов привлекались студенты 2 курса нефилологических специальностей (девушки и юноши в возрасте 17-20 лет, всего 15 человек).

Экспериментальная гипотеза состояла в том, что восприятие и образная экспрессия окказиональных ономато-

пов, данных вне поэтического контекста, определяется спецификой их звуковой организации.

В процессе анализа результатов эксперимента удалось установить, что звукоподражательная природа стимульных единиц в целом считается респондентами (на это указывает большое количество ассоциатов с компонентом «звук»).

В ассоциативном поле стимула *цивь-цинъ-цинъ* выделяются следующие типы реакций:

- реакции с семой «звук» (осмысление стимула как какого-л. звукоподражательного комплекса): *звук, звон, звонок/ звучать, звенеть*;

- ассоциации, связывающие стимул с конкретным звучанием: *капель с крыши, стук по железу* (названные респондентами звучания объединяют параметры «звонкий, тонкий»); *пение птицы, птица (2), синица, синичка* (косвенные ассоциативные маркеры звукообраза);

- реакции, воспроизводящие фонетическую структуру стимула, в том числе путем идентификации с узуальными ономатопами: звукоподражательное междометие *дзынь-дзынь-дзынь*, «подзывное» междометие *цып-цып-цып* (ассоциативной связью с *цып-цып-цып* вызваны также реакции *цыпленок, цыплята*);

- реакции, характеризующие «фонетический экзотизм» [Матвеева 1986: 47] стимульного звукоподражания, не характерный для эвфонии русского языка: *Китай (3)* – ядро ассоциативного поля; *китайцы, имя китайца, студент-азиат, китайский вождь или племя, название восточной борьбы, японская культура*;

- реакции, маркирующие акустическую и эстетическую оценку звучания: *звонкий, негромкий/ приятный, гармоничный*;

- реакции, указывающие на звукосимволическое осмысление стимула, перенос качества звука на зрительно вос-

принимаемые параметры явления: *сосульки, струна, ста-лактиты, высокая трава, тростник, игла* (названные реалии объединяет сходство внешних признаков: *тонкие, острые, имеют вытянутую форму*).

Состав ассоциативного поля стимула *чурлю-журль* свидетельствует о высокой считываемости звукообраза: 50% испытуемых, не знакомых с текстом стихотворения, правильно определили звукоподражательную семантику экспрессемы: *журчание (5), ручеек (4), журчание ручья, журчание какой-то реки, река бежит, ручей, вода, журчание воды*. Характерно, что реакции *журчание (5)* и *ручеек (4)* вошли в зоны ядра и ближней периферии поля. В зоне дальней периферии – ассоциаты *журавль (3), журавлики (2)*, вызванные, вероятно, созвучием со стимулом.

Область крайней периферии представлена следующими группами ассоциаций:

- связь звукокомплекса *чурлю-журль* с голосами птиц: *птичье пение, голос воробьинообразных, птицы, птицы весной;*

- ассоциации-маркеры «фонетического экзотизма» стимула: *черкесская речь, Китай;*

- реакции с опорой на структурный облик стимула: *буль-буль-буль, Ширли-мырли;*

- индивидуальные ассоциации: *мокрая тахта, сенокос, осень, блюдо.*

Стимул *чтрррь-юй* большинство респондентов связали со звуковыми реалиями: голосами птиц (что указывает на считывание звукообраза): *пение какой-то птички, крик попугайчиков, чириканье воробушка, стрекотание птиц;* голосами животных: *рычание;* звуками природы и физического мира, с одной стороны, протяжными, тонкими (континуантами): *свист ветра, вой вьюги, сирена, завывание ветра за окном, визг тилы, визг тормозов, звук затачивания тилы,* с другой стороны – с диссонирующими звуча-

ниями: *хруст костей, треск ломающегося дерева, артиллерийский выстрел, залп; выстрел пулемета, салют, рычание заводящегося мотора; звук от перелистывания страниц, скрип, вибрация*; с явлениями-источниками звучания: *птичка, воробей, вьюга, ветер, моторчик, дверной звонок*. Кроме того, в ассоциативном поле присутствуют реакции, маркирующие несоответствие звукового облика стимула нормам эвфонии русского языка: *иностранная валюта, какой-то азиат, что-то странное*; оценочный ассоциат, отражающий рефлексии респондента относительно фонетической структуры звукокомплекса: *как будто механизм заело*.

Экспериментальные данные свидетельствуют о том, что восприятие окказиональных звукоподражаний носителями языка в целом соотносится с их контекстуальной семантикой, которая была актуализирована ими при употреблении в поэтических текстах В.Каменского.

Факторами, способствующими считыванию респондентами звукоподражательной природы стимулов, выступают специфика их звуковой организации (фонетическая гипераномальность, редупликация и т.д.), фонетическое сходство с узуальными ономатопами (*чирикать, щебетать, цыкать, стрекотать* и т.д.), а также высокая степень обральной экспрессивности новообразований (их перцептивной «узнаваемости» и яркости). Считывание носителями языка звукоподражательного характера стимулов находит отражение в ассоциативных полях в виде реакций с семами «звук», «характер звучания», а также в соотношении с типичными для ономатопоэтической номинации денотативными сферами.

Об экспрессивном характере окказиональных стимулов свидетельствуют их «фонетический экзотизм», маркированный лексическими ассоциатами иной эвфонической «организации», чем в русском языке.

ЛИТЕРАТУРА

Воронин С.В. Основы фоносемантики: монография. – Л., 1982.

Гридина Т.А. Языковая игра в художественном тексте. – Екатеринбург, 2008.

Журавлев А.П. Звук и смысл. – М., 1991.

Заярная И.С. Игровая поэтика Василия Каменского в зеркале барокко// Литература, 2005. – №22. – С. 55-62.

Лингвистика креатива-2. / Под общей редакцией профессора Т.А. Гридиной. – Екатеринбург, 2012. (2-е издание).

Матвеева Т.В. Лексическая экспрессивность в языке. – Свердловск, УрГУ, 1986.

Халявина Д.В. Индивидуально-авторские новообразования в идиолекте В. Каменского: структурно-семантический и функционально-прагматический аспекты: дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. – Белгород, 2011.

Шляхова С.С. Тень смысла в звуке. Введение в русскую фоносемантику. – Пермь, 2003.

©Ваулина И.А., 2014